

УДК 82:316.3

**ДОКУМЕНТАЛЬНОСТЬ ТРАВЕЛОГА
И СПОСОБЫ ОБОБЩЕНИЯ
(по материалам Тверского Верхневолжья)***

Е.Г. Милюгина¹, М.В. Строганов²

¹Тверской государственной университет, г. Тверь, 170100, Россия

²Государственная академия славянской культуры, г. Москва, 25480, Россия

Аннотация

Проблематика исследования связана с документализмом как ведущим принципом изображения действительности в жанре травелога. В современном литературоведении и культурологии феномены путешествия и травелога изучаются, как правило, с позиций антропологии. Наряду с сугубо антропологическим подходом, в травелогических исследованиях последних лет успешно апробирована методология природоориентированного анализа, разработанная в западном дискурсе экокритики. Теоретически очевидно, что при решении проблемы документальности травелога – проблемы, обусловленной возникающими в путешествии взаимоотношениями человека и пространства, – необходим синтез этих подходов, однако комплексное применение антропологического и спATIO-темпорального подходов ещё не стало практикой современной науки. Авторы показывают перспективность синтеза данных подходов для решения проблемы документальности травелога. В качестве базы для концептуальных теоретических обобщений использованы материалы сухопутных и водных путешествий по Тверскому Верхневолжью. Проверяя меру и степень документальности травелога локальным текстом, авторы выявляют причины нарушения документальности и способы намеренного её преодоления в конкретном травелогическом дискурсе. Обнаружены действующие в травелоге ограничения документальности объективного и субъективного характера, приводящие к искажению правдоподобия текста вплоть до псевдодокументализации. Показано, что, руководствуясь установкой на адекватность описания и предмета описания, авторы травелога последовательно нарушают этот принцип, концептуализируя описываемое пространство в духе идей своего времени, демифологизируя ранее созданные его описания и продуцируя новые мифы. Наиболее частотны приёмы сравнения описываемых явлений или фактов и придания некоему общеизвестному объекту генерализующего значения, что позволяет автору травелога рассматривать его как определённый тип и включать в те или иные классификационные модели. Раскрыт парадокс травелога: познание нового явления неизбежно предполагает установление парадигматических связей этого явления с уже известным материалом.

Ключевые слова: травелог, антропологический подход, спATIO-темпоральный подход, принцип документализма, адекватность описания и предмета описания, пространство концептуализированное и реальное, мифологизация пространства, способы обобщения, Тверской край

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Тверской области (проект №14-14-69002).

Путешествия и травелоги находятся сегодня в центре внимания самых разных наук: гуманитарной географии, регионоведения, геополитики, истории, социологии, филологии и др. Наиболее пристальный интерес они вызывают у культурологов и литературоведов, что и понятно: первые изучают путешествия как факт культуры, вторые занимаются травелогами как жанром словесности. Учёные исследуют цели и задачи путешественника, мотивацию путешествий и возможности травелога [1], образ пути и путника в мировой культуре [2], содержательную насыщенность историко-культурных маршрутов [3], трансформацию путевых жанров [4], дорожные дискурсы [5], другими словами – путешественника.

Наряду с сугубо антропологическим подходом, в травелогических исследованиях последних лет успешно апробирована методология природоориентированного анализа. Идеи природоцентризма (экоцентризма), сложившиеся в мировой науке, в частности в западном дискурсе экокритики (см. [6]), высказывали в своих работах Л. Буэлл, подчеркнувший включённость, «вплетённость» человеческой истории в историю природы [7, р. 64], Ю-Фу Туан, изучавший место как субъект повествования [8, р. 4, 161–162], Ф. Джеймисон, выявивший обусловленность человеческой повседневности, психического опыта, культурных языков в большей мере категорией пространства, чем категорией времени [9, р. 16]. Спацио-темпоральная концепция путешествия [10, р. 41–69] нашла отражение и в отечественных исследованиях травелога [11–14].

Комплексное применение антропологического и спацио-темпорального подходов ещё не стало практикой современной науки. А между тем очевидно, что именно синтез этих подходов необходим при исследовании возникающих в путешествии взаимоотношений человека и пространства. Соответственно, важен он и при решении обусловленной этими взаимоотношениями ключевой проблемы травелога – проблемы соотношения документальности и вымысла. Этот вопрос давно уже сформулирован исследователями на материале литературы путешествий конца XVIII – начала XIX в. [15–16], однако до сих пор не решён. Мы в данном случае не ставим задачи решить его с этой относительно новой позиции, но намереваемся показать перспективность комплексного применения антропологического и спацио-темпорального подходов к его решению.

Понятно, что проблема документальности может быть поставлена и решена только на конкретном материале. Поэтому в качестве базы для концептуальных теоретических обобщений мы используем в статье результаты собственных исследований сухопутных и водных путешествий по Тверскому Верхневолжью (Т1, Т2, Т3). Поверяя меру и степень документальности травелога локальным текстом, мы ставим задачу выявить причины её нарушения и способы намеренного её преодоления в обозначенном травелогическом дискурсе.

Общеизвестно, что травелог является документальным жанром и что ему поэтому свойствен принцип документализма. По большому счёту, документализм предполагает установку на наивное, непосредственное восприятие действительности, когда рассказчик (автор травелога) что видит, то и говорит. В этой установке заключена огромная сила документального жанра, который представляет своему читателю (зрителю) всё общеизвестное так, что заставляет читателя (зрителя) воспринимать его как увиденное впервые. В результате мы

наблюдаем в документальном жанре следующую ситуацию. В описании, на картине или (ещё лучше) фотографии изображён провинциальный Торжок, но мы вслед за автором воспринимаем его как собственно город Торжок и одновременно как обобщённый провинциальный город.

Торжок изначально воспринимался как весьма характерный, специфический город, непохожий на другие города России. Сравните:

- И.Ф. Глушков (1801): *Строение в нём отчасти каменное, а отчасти деревянное очень порядочное. Лучшее находится на правой стороне Тверцы, расположенное амфитеатром по косогору, уступами к реке склоняющемуся. Ежели стать у дворца в Затверецкой части, на высокой горе построенного, то каждая улица и дом видны будут в особенности. Множество церквей, гостинный двор, площади, большие и малые преспекты, набережная, на уступах стоящие слободки, сады и движущийся народ в приятнейшем разнообразии вдруг представляются: вот обширная торговая площадь, окружённая каменными, преизрядной архитектуры домами, великолепный из них есть городской магистрат, – смотрите, как величественно тут на горе стоит церковь, – от неё продолжается каменный гостинный двор, имеющий 111 лавок – это деревянные лавки, или другой гостинный двор, а это посредине стоящий столб есть бывший прежде прекрасный фонтан – посмотрите, как хороша набережная и какой крутой вал от неё начинается! (Т1, с. 153–154);*
- А.Н. Островский (1856): *Расположенный по крутым берегам Тверцы, он [Торжок] представляет много живописных видов. Замечательнее других – вид с левого берега, с бульвара, на противоположную сторону, на старый город, который возвышается кругом городской площади в виде амфитеатра. Хорош также вид с правой стороны, с старинного земляного вала (Т1, с. 376).*

Однако в травелогe А.О. Ишимовой (1844) мы находим совершенно иное описание Торжка: *В строениях городских заметно, что торговля, а с нею и богатство были всегда принадлежностью Торжка: дома, церкви, гулянья, гостинный двор, большие площади, набережная, сады – всё это богато не по уездному городку, во всём видно, что деньги щедрою рукою сыпались на это устройство. Приятная картина довершается живою деятельностью народа, попадающего на улицах: кажется, все здесь заняты делом, а это так приятно видеть! (Т1, с. 265).*

Задавшись целью нарисовать панораму Торжка, Ишимова строит описание на перечислении лежащих перед её глазами конкретных объектов, опуская пространственные связи между ними. Подчёркивая типичность выбранных объектов, Ишимова неизбежно упрощает картину, линейное перечисление лишает её перспективы. В результате характерная для Торжка панорамность, рельефность, которую многие путешественники считали лицом города, нивелируется, неповторимость города меркнет.

Подобное впечатление производит и картина К.И. Горбатова «Торжок» (1917), хотя пространственные связи между локальными объектами здесь всё же

отражены. Изображение Торжка построено по принципу плоскостной композиции. Художник вытягивает локальную топику города (храм, площадь, причал, магистрат и др.) вдоль реки Тверцы в повествовательный ряд ведуты, и содержанием полотна становится перечисление. Поскольку эти объекты типичны для любого стоящего на реке провинциального города, Торжок на картине становится схожим с обобщёнными образами безымянных городов на полотнах того же автора «Вид с реки на старый город» (1915) и «Ранняя весна. Город на реке» (1916). Не способствует индивидуализации живописного впечатления и попытка передать рельефность Торжка. Так, К.Ф. Юон на картине «В провинции. Город Торжок» (нач. XX в.) ради эффекта рельефа упрощает, искусственно выпрямляет линию идущей в гору дороги, рассекая её по диагонали пространство полотна. В результате пространственные отношения между объектами по сторонам дороги искажаются, дома, церкви и площади склеиваются в плоскостной коллаж, подобный тому, что мы видели у Ишимовой.

Большей пространственно-предметной точности, казалось бы, следует ожидать от фотографии, в особенности от фотографии первой половины XX в., которая тяготела к документальности. Приведём в качестве примера фотографии не путешественника, а автохтона П.Ф. Добрынина, поскольку он совершенно так же представляет пространство. Сделанные им фотографические виды Торжка: Троицкая набережная (1913), Учительская набережная (1927), Музейная улица (1927), Красная набережная (1927) и др. (Т., с. 16, 17, 23, 26) – дают нам тот же набор типических объектов и те же композиционные ракурсы ведуты (линия реки, линия дороги), что и живописные виды. Лишь в редких случаях пространство кадреновано иным образом – Панорама правобережья, (1910), Панорама левобережья (1929) (Т., с. 16, 26).

В целом же все перечисленные выше изображения Торжка – словесные и изобразительные – типичны для репрезентации русской провинции. Вследствие этого конкретный, резко индивидуальный образ Торжка превращается в унифицированную модель провинциального текста (см. [17, с. 231–239, цветная вкладка]). Именно так фотографии Добрынина воспринимались в своё время исследователями провинциального текста и поэтому попали на обложку одного из первых сборников, посвящённых этой тематике (см. [18]).

Совершенно очевидно, что травелог относится к документальным жанрам, поэтому имеет установку на соответствие, адекватность описания и предмета описания (см. [17, с. 312]). В связи с этим теоретически соблюдение соответствия и адекватности приветствуется, а любое отклонение от них оценивается как нарушение нормы. Но так дело обстоит только в теории. На практике всё гораздо сложнее.

Нам уже приходилось писать о том, что травелог постоянно нарушает установку на документальную точность (см. [13; 19–20]). Документализм, конечно, последовательно утверждается как принцип повествования и одновременно столь же последовательно в качестве принципа нарушается. Вообще, последовательное проведение любого принципа делает текст неинтересным и лишает его смысловой глубины. Если путешественник ориентируется на то, чтобы текст описания полностью соответствовал предмету описания, он неизбежно должен отказаться от собственного травелога, так как здесь вступает в силу

следующая логика: поскольку интересующий нас объект уже описан, постольку необходимость описывать его ещё раз отпадает. Например, гостиница Пожарских в Торжке столько раз становилась предметом изображения, что новое обращение к ней оправдано только в том случае, если рассказчик скажет о ней нечто такое, что ещё не было сказано. Но где можно найти это «ещё не сказанное»? Прежде всего его можно найти не в фактической стороне явления, а в новом сопряжении фактов, в новом осмыслении их. Так, подхватив строчку А.С. Пушкина о пожарских котлетах (1826), М.П. Жданов и П.И. Сумароков (1838), И.А. Дмитриев и Ф.Б. Гагерн (1839) продуцируют миф о совершенстве гостиницы Пожарских. В ответ на это незамедлительно возникает обратная, демифологизирующая тенденция: А.О. Ишимова (1844) изобличает претензию на столичный характер апартаментов в гостинице Пожарских; С.Т. Аксаков и Н.В. Гоголь (1839) ставят под сомнение безупречность гостиничной кухни; А. де Кюстин (1839) подчёркивает дороговизну в гостиничной сафьянной лавке (Т1, с. 260, 266, 358; Т2, с. 141–142, 221, 269), и примеры эти можно легко умножить. Со второй половины 30-х годов каждый проезжающий через Торжок считает своим долгом дать в травелоге оценку ночлегу, «сапогам и котлетам». Даже закат гостиницы после смерти Д.Е. Пожарской (1854) объясняется мифом об утрате рецептуры котлет (К., с. 52, 64), хотя, если верить Аксакову и Гоголю, рецептура и технология и раньше не всегда выдерживались. В продуктивный период своей жизни (заимствуем здесь антропологический термин) травелог постоянно, настойчиво ищет новых форм сопряжения фактов и их осмысления.

Рассмотрим это подробнее. И.Ф. Глушков в своём «Ручном дорожнике» (1801) подводит итоги травелогам нового времени, то есть России от Петра I и до Екатерины II, и уже поэтому он представляет Тверь как некое сублимированное, концептуализированное пространство. Чтобы понять это, нам следует учесть, что между Петром I и Екатериной II в Твери был знаменитый пожар 1763 г., после которого по приказу великой императрицы город был отстроен вновь как образцовый – такой, который не стыдно было показывать иностранцам как образец нового царствования. Не случайно Екатерина II не упускала случая продемонстрировать иностранным посланникам обновлённую Тверь. В путешествии 1785 г. это было сделано наскоро, проездом и, возможно, экспромтом. Зато в 1787 г., представляя гостям из иностранных держав результаты своего правления за четверть века, императрица сознательно и продуманно останавливается в Твери на целые сутки, чтобы устроить торжественный приём с награждением чиновников, которые отличились на государственной службе, в том числе и московских. В Москве неделей ранее был отслужен благодарственный молебен и приняты поздравления от высшего духовенства, но центр государственных торжеств был перенесён именно в Тверь, о чём убедительно свидетельствует травелог А.В. Храповицкого (Т1, с. 111, 130–132). Таким образом, Тверь была своеобразной «потёмкинской деревней» большого масштаба в центре империи.

Дорожник Глушкова был, как известно, первым опытом доступного всем описания главного тракта страны, но именно поэтому он вбирал в себя все имевшиеся опыты путешествия по нему и все предыдущие описания этого тракта. И когда дело доходит до Твери, Глушков изображает не реальную Тверь, а тот концепт, который активно насаждался властью и который на рубеже

XVIII – XIX вв. стал реальным фактом сознания русского человека. Согласно этому концепту, Тверь – это миленький, красивенький город вполне европейского типа, это, так сказать, образцовый (модельный) город для всех провинциальных городов России.

Сам Глушков, очевидно, понимал разницу между реальной и воображаемой (насаждаемой в сознании) Тверью – не случайно дифирамбы в адрес последней в тексте произносит не он, а некая молодая восторженная девица: *Тверь – один из прекраснейших российских городов – расположен на месте весьма прелестном. Представьте себе ровную большую возвышенность, окружённую вдали тенистыми рощами, устланную зелёными лугами, обогащённую плодоносными жатвами, по коей течёт кроткая Волга, та величайшая в свете река, струями которой орошаются многочисленные племена и языки, то будет слабая только картина сего завидного местоположения* (Т1, с. 160). Однако уже в 10-е годы XIX в. этот идеализированный образ Твери столь прочно закрепился в общественном сознании, что авторы следующих за Глушковым травелогов воспроизводят его чаще, нежели изображают реальный город. Непременными атрибутами Твери отныне становятся красота, правильность и столичность; ср.:

Ф.Н. Глинка
(1811):	<i>...Окрестности Твери прекрасны и с первого взгляда, кажется, походят несколько на петербургские</i> (Т1, с. 218);
М.П. Жданов
(1838):	<i>Город довольно красив</i> (Т1, с. 261);
И.А. Дмитриев
(1839):	<i>Тверь по красоте своих зданий, ландшафтов и регулярности может похвастаться одним из лучших городов России</i> (Т2, с. 189, 191);
А.О. Ишимова
(1844):	<i>Тверь — прекрасный городок по местоположению и по строениям. <...> Вообрази ряд каменных домов, по большей части прекрасных, на длинном протяжении высокого берега, покрытого до самой воды прелестною зеленью</i> (Т1, с. 268);
С.П. Шевырев
(1847):	<i>Я любовался Тверью как изящным европейским городом. <...> Её правильные, опрятные улицы, убранные тротуарами, её светлые площади, цветущие сады...</i> (Т2, с. 294–295);
И.Ф. Белов
(1848):	<i>...Этот город по приятности своего положения, по красоте некоторых зданий, чистоте и опрятности своих улиц, в особенности же по богатству набережной может причислиться к лучшим губернским городам</i> (Т1, с. 288–289);
М.И. Семевский
(1860):	<i>Тверь мне чрезвычайно понравилась. Широкие улицы, множество хорошей каменной постройки, городской и губернаторский сад, красивое здание дворянского собрания, бывшее местом недавних съездов, прений и совещаний, 38 церквей, красивая набережная, дворец с садом, прелестный вид на Волгу и на противоположный берег – всё это вместе составляет чрезвычайно приятный ансамбль</i> (Т3, с. 44–45) и др.

Такое описание предполагало искривление пространства Твери: «далековатые» объекты в целях насыщения пространства историко-архитектурными и культурными объектами закономерно сближались, перспективы удлинялись

и расширялись, не прямые берега Волги в целях удобнейшей репрезентации архитектурных памятников неизбежно выпрямлялись. Ср.:

- И.Ф. Глушков (1801): *Выходя из крепости каменным чрез ров мостом, открывается прекраснейшая перспектива, называемая Миллионная, состоящая из домов в одинаковую высоту. Она, начинаясь двухэтажным великим гостиным двором и торговою площадью, простирается чрез другие три до конца города, где пересекает её обширный больничный дом (Т1, с. 164);*
- М.И. Семевский (1888): *И вот я опять в Твери... Передо мною тот же город с его широкими, прямыми как стрела улицами, – живое свидетельство, что не один пожар, да притом пожар лютый, грандиозный, способствовал к расширению и вытяжке в линейки её проспектов (Т3, с. 70).*

Безукоризненной правильностью улиц, домов, площадей приведённые описания напоминают скорее план города, нежели реальную Тверь. Такое описание предполагало искривление истории Твери, поскольку план создания города оказывался как будто уже реализованным. Желание было столь сильным, что сам желающий считал желаемое уже существующим. В травелоге У. Кокса (1778), который наблюдал сам процесс строительства новой Твери, такое нетерпение понятно: *Тверь разделяется на старый и новый город. <...> Только часть нового города, когда мы проезжали через него, была завершена. Когда всё будет закончено, образуются два восьмиугольника, к которым ведут несколько улиц, пересекающих друг друга под острыми углами, и город будет достоин богатой цивилизованной страны (Т1, с. 91–92).* А.О. Ишимова, которая посетила уже отстроенный город, тоже фиксирует его совершенство, вполне закономерно подчёркивая при этом роль Екатерины в истории обновления города: *Государыня, необыкновенная во всём, явилась необыкновенною и в помощи, оказанной ею городу, некогда знаменитому в истории России. <...> С этого времени Тверь, как феникс из пепла, совершенно возродилась к новой жизни, и жители её, конечно, всегда будут передавать детям своим рассказы об этой беспримерной милости благодетельной государыни (Т1, с. 269).*

Помимо рассмотренных выше приёмов, достаточно обычных для построения травелога, укажем на два других – самых очевидных и вместе с тем довольно странных. Первый приём – это сравнение двух описываемых явлений или фактов. Например, по дороге между Москвой и Петербургом путешественник находит разные станции (ямы), сопоставление которых неизбежно напрашивается, вследствие чего он начинает искать причины их сходства и различий. Второй приём – это придание некоему общеизвестному объекту генерализирующего значения, позволяющего рассматривать этот объект не как частное явление, а как определённый тип, с чего мы и начали нашу статью, приводя примеры с изображением города Торжка.

Далее мы кратко опишем оба эти приёма на материале травелога, автором которого был писатель, публицист и политический деятель И.И. Колышко (1861–1938). В книге «Очерки современной России» (далее – «Очерки...») он описал своё путешествие по Тверской, Ярославской и Костромской губерниям,

которое совершил в 1884 г. и которое отразило живой интерес к культуре, науке, экономике и социальной жизни людей. Большое внимание в «Очерках...» уделено Тверской губернии.

Сравнение

Травелог Колышко начинается с тверской части, а первый эпизод его «Верещагинская школа и артели сыроварения» в селе Единоново помечен 8 августа. Далее следует очерк «Отрочь монастырь» с датой 9 августа. Всё пока следует по порядку, и даты, поставленные под заголовками разделов, подтверждают документализм повествования. Но уже третий раздел травелога «Жёлтиков монастырь» помечен датой 19 августа. Читатель сразу останавливается в недоумении. А что же делал автор травелога целых девять дней, с 10 по 18 августа? И зачем ему надо было подчёркивать это, проставляя даты? Ведь читатель не мог бы его проверить, да ему это и в голову не пришло бы. Но следующая очерк приоткрывает завесу над этой тайной: он называется «Товарищество Русской мануфактуры ситцев в городе Твери» и помечен 11 августа (К., с. 1, 10, 13, 16). Однако нам ясно, что очерки об Отроче монастыре и Жёлтикове монастыре поставлены рядом для того, чтобы сопоставить эти наиболее древние из существовавших в то время в Твери монастырей: сравнение должно привести читателя к определённым выводам.

То же самое мы видим и в следующем очерке «Два пригородных села», который состоит из двух разделов, хотя они вносят новые вопросы и новую путаницу. Первый раздел помечен 12 августа и посвящён описанию «села Ж. К-ой волости, вёрстах в 9-ти от города», которое «раскинуто на берегу реки Тьмаки, здесь довольно высоко, вблизи К-го монастыря. Это красивое место благодаря близости города и чудесной сосновой роще, идущей длинной, хотя узкой, полосой по противоположному берегу Тьмаки, выбрано тверитянами под их летнюю резиденцию» (К., с. 25). За этим описанием легко узнаётся село Жёлтиково Никулинской волости (Жёлтиковская подмонастырская слобода рядом с Успенским Жёлтиковым мужским монастырём, известная с XVIII в., с 1920-х годов д. Жёлтиково, с 1937 г. в составе Твери). На это же указывает и близость Морозовской фабрики (Пролетарка, Морозовский городок, Морозовские казармы; создана «Товариществом Тверской мануфактуры» (1856–1913 гг.); один из первых микрорайонов в России). Однако в очерке сказано, что Жёлтиково находится на расстоянии 9 вёрст от Твери, а Успенский Жёлтиков монастырь Колышко помещает, как его предшественники и последователи, в 4 вёрстах от города. Сравните:

- А.О. Ишимова (1844): *вёрсты 4 от Рождественского монастыря* (Т1, с. 277);
И.А. Дмитриев (1839): *вёрстах в 4-х от Твери... Жёлтиков Успенский мужеский монастырь* (Т2, с. 318);
А.М. Петропавловский (1852): *от Жёлтикова до Твери поболее трёх вёрст* (Т2, с. 213);
Н.П. и А.П. Боголюбовы (1861): *в 4-х вёрстах от Твери на той же р. Тьмаке... Жёлтиков Успенский мужеский монастырь* (Т3, с. 128);

- П.П. Нейдгардт (1862): *вёрстах в 5-ти от города... Успенский Жёлтиков монастырь* (Н., с. 35);
- И.Ф. Тюменев (1892): *Жёлтиковский монастырь... в пяти вёрстах от города* (ТЗ, с. 382);
- В.М. Сидоров (1894): *в четырёх вёрстах от Твери Жёлтиков Успенский монастырь* (С., с. 67);
- Г.П. Демьянов (1898): *вёрстах в 4-х от Твери стоит Жёлтиков Успенский (мужской) монастырь* (Д., с. 64);
- А.Я. Бесчинский (1903): *Успенский Жёлтиков монастырь... находится вёрстах в 4-х от города* (Б., с. 44);
- Г. Москвич (1905): *в 4-х вёрстах от города... находится Жёлтиков Успенский мужской монастырь* (М., с. 45);
- В.А. Гиляровский (1908): *находящийся в четырёх вёрстах от города Жёлтиков Успенский мужской монастырь* (Г., с. 38).

Вторая часть очерка «Два пригородных села» имеет дату 14 августа и посвящена селу «В-ое М-ой волости», которое находится от города на расстоянии 14 вёрст. Без всякого сомнения, это село Васильевское Михайловской волости (нынешний Васильевский Мох). Село совершенно однозначно идентифицируется на основе упоминания о «красных днях, когда довольствие, граничащее с богатством, царило между ними» (К., с. 39): *...То были дни доходного и очень развитого здесь гвоздарного промысла; но вот уж лет 10, что это времечко бесследно минуло и былью поросло* (К., с. 39). И далее: *Крестьяне М-ой волости в былое время были знатные гвоздари. И женщины, и дети – все занимались с малых лет гвоздарством и достигали изумительной ловкости. На селе бывало 50 и больше кузниц. В них работало по 2–3 человека* (К., с. 40). Например, А.Н. Островский (1856) писал: *Ковкою гвоздей занимаются не только в самой Твери, но и в уезде. В Твери более выделываются конские гвозди (10 фунтов 1000) и однотёс. В уезде главная выделка гвоздей в сёлах Васильевском и Михайловском, где выковываются гвозди всех сортов. Количество выделанных гвоздей, по официальным известиям, простирается до 100 тысяч пудов на сумму 500 тысяч рублей* (Т1, с. 407).

Безусловно, обе части очерка «Два пригородных села» (12 и 14 августа) посвящены их сопоставлению, именно потому они и вынесены в особый раздел. Таким образом, для того чтобы сохранить логику представления материала, Колышко нарушает хронологию знакомства с ним. По точно такой же причине оставлены рядом и очерки «Отрочь монастырь» и «Жёлтиков монастырь» (9 и 19 августа). Логика сравнения оказывается важнее логики путешествия.

Псевдонимизация

За очерком «Два пригородных села» следует очерк «Бурашево – колония для умалишённых» с датой 19 августа (совершенно очевидно, что из Жёлтикова монастыря, минуя город, Колышко и его спутник направились прямо в Бурашево). В очерке упоминается основатель колонии Алексей Борисович Врасский, но сопровождающее рассказчика лицо названо почему-то следующим образом: *Август Казимирович Ж.* (К., с. 44), хотя это сокращение никого не введёт

в заблуждение. Редкое сочетание имени и отчества ясно указывает на Августа Казимировича Жизневского (1819–1896), управляющего Тверской казённой палатой, председателя Тверской учёной архивной комиссии, основателя Тверского историко-археологического музея, поскольку здесь же упомянут его интерес к истории и археологии. Позже, при описании Торжка, фамилия Жизневского приведена полностью: *Ещё левее монастыря, заключённого со всех сторон в каменной белой оgrade, одиноко виднеется в поле деревянная церковь. То старинная церковь Преображения. Ей триста с лишком лет; она обновлена и вновь освящена по почину известного в Тверской губернии управляющего казённой палатой Августа Казимировича Жизневского на средства богатого здешнего купечества* (К., с. 66). Впрочем, разница в написании фамилии обусловлена, как можно судить, ситуацией: в первом случае это интимное дружеское общение – *всезнающий Август Казимирович Ж., которого счастливый случай дал нам в спутники* (К., с. 44); во втором – использование официального дискурса.

Аналогичные случаи аббревиации имён при описании ситуации интимного дружеского общения встречаются в травелогах достаточно часто. Сравните:

- П.И. Якушкин (1858): *«Понимаем! Если хотите достать, то сходите к Т. Б., у него два прозвища; он живёт у старой аптеки; у него своя лавка там есть. Да ещё сходите к Ж., а этот живёт во второй улице; у них много книг, может быть, они и продадут вам. На Ж. сильно гораздо не надейтесь, он сам старой веры; а у Т. Б., если он ещё не всё расстранирил, купите, да и задёшево купите, отец его был человек крепкий, любил, покойник, старые книги, а как старик-то помер, достались эти старые книги сынкам, они и пустили их в ход: сперва поделили, а потом наперегонки во Ржев.» <...> По указанию Барсукова я ездил к Ж. за речку Тьмагу, но ничего не нашёл* (Т2, с. 426, 429);
- М.И. Семевский (1860): *Мой спутник Р. Н. Н-н, человек весьма образованный, пользующийся дружеским расположением настоятеля монастыря, повёл меня в его келью, несмотря на поздний вечер, и представил отцу Платону* (Т3, с. 37).

Вообще идентификация таких имён обычно не вызывает трудностей. Так, *Т. Б.* – это книготорговец Тимофей Фёдорович Большаков († 1864); *Р. Н. Н-н* – Роман Николаевич Никулин (1815–1895), коллежский советник, учитель истории Тверской мужской губернской гимназии, позже инспектор Тверской мужской гимназии, знаток тверской старины. Однако упоминаемый в путевых записках Якушкина *Ж.* не поддаётся столь однозначной атрибуции как Жизневский, поскольку этого последнего можно справедливо назвать библиофилом, но он не имеет совершенно никакого отношения к староверам.

Другой случай аббревиации имён – воспроизведение в травелоге той их формы, которой подписывался упоминаемый в тексте автор. Использует этот приём и Колышко: *...Два автора двух самых подробных и толковых статей об Осташкове, господин Р-в и господин Покровский, один – когда-то занимавшийся, а другой – и ныне занимающийся статистикой в Тверской губернии. Статья господина Р-ва относится к 1863 г. <...> Передо мной лежит прекрасная статья господина Р-цова. <...> По исчислениям г. Р-цова...* (К., с. 205).

Василий Иванович Покровский (1838–1915), земский статистик, экономист, педагог, член-корреспондент Петербургской академии наук, назван здесь своим полным именем. А Николай Иванович Рубцов (1825–1895), губернский чиновник, историк, краевед, публицист, тайный советник, основатель Тверской публичной библиотеки, обозначен псевдонимом *Р-в*, который был известен тверским читателям по краеведческим публикациям. Поскольку речь идёт о публикациях, может показаться, что Кольшко просто копирует эту форму из книжных источников. Однако он приводит и другой вариант имени этого автора: *Р-цов*. Это более прозрачная форма, которую мы не находим ни под одним сочинением Рубцова; следовательно, о Рубцове Кольшко слышал от кого-либо из тверских жителей (сам Рубцов в это время жил в Вильне) и потому вставил в свой текст более прозрачную форму псевдонима. Кстати сказать, имя Рубцова упоминает и Якушкин, но в контексте дружеского знакомства: *Сегодня поутру я пошёл отыскивать Рж. и Р.; в Твери я был в первый раз; Рж., по просьбе М.П. Погодина, мог указать мне, на что особенно надо взглянуть, а Р. как секретарь губернского правления мог при пешеходном моём путешествии по Тверской губернии оказать большую помощь* (Т2, с. 424). Здесь, помимо Рубцова, упоминается директор Тверской губернской мужской гимназии Дмитрий Семёнович Ржевский (1817–1868). И именно контекст определяет форму аббревиации: не *Р-в*, а *Р*. (хотя и с точным указанием должности, по которой легко реконструировать полное имя).

Нередко встречается частичное сокрытие имени, однако достаточное для реконструкции полной формы. Ср. у М.И. Семевского (1861): *Недавно довелось мне прочесть в каком-то издании, не упомяну, статью Михаила Николаича Л-ва о Петре* (Т3, с. 52). Речь идёт о государственном деятеле, писателе, библиографе, историке, начальнике Главного управления по делам печати М.Н. Лонгинове (1823–1875). Или у А.Н. Островского (1856): *В Торжке я познакомился с тамошним старожилом, почтенным купцом Ефремом Матвеевичем Е., собирателем древних рукописей о Торжке* (Т1, с. 378). Фамилия новоторжского купца, попечителя уездной больницы, законника, собирателя древних рукописей Ефрема Матвеевича Е. устанавливается тоже просто – Елизаров.

Гораздо реже встречается противоположное по смыслу явление, когда реальное имя замещается любым другим, случайно пришедшим на память, что приводит к его нивелировке и к появлению, по сути, безымянного персонажа. Ср. описание монаха на пароходе в очерке Кольшко «Ниловская пустынь»:

Мой спутник, житель Осташкова, заметил моё волнение и, также улыбаясь, обратился к монаху:

– Здравствуй, отец Никанор! (За верность имени не ручаюсь) (К., с. 215).

Теоретически обобщая наши конкретные наблюдения над словесными описаниями путешествий по Тверскому Верхневолжью XIX – начала XX в., мы можем с уверенностью заключить, что жанр травелога, ориентированный на строгую документальность и призванный познакомить читателя с тем или иным местом, где он не бывал, оказывается на деле далеко не всегда отвечающим этой задаче. Человеческая мысль стремится не только описать данное место, но и

систематизировать описываемый материал, включив его в те или иные классификационные модели. Познание нового явления неизбежно предполагает установление парадигматических связей этого явления с уже известным материалом, поэтому любое сопоставление, любое обобщение оказывается просто неизбежным. Очевидно, что этот парадокс составляет особенность не только травелога как такового, но и любого другого документального жанра. Однако этот парадокс ещё только предстоит сделать предметом систематического изучения.

Источники

- T1 – Тверь в записках путешественников XVI–XIX веков / Сост. Е.Г. Милюгина, М.В. Строганов. – Тверь: Кн. клуб, 2012. – 416 с.
- T2 – Тверь в записках путешественников / Сост. Е.Г. Милюгина, М.В. Строганов. – Тверь: Кн. клуб, 2013. – Вып. 2. – 436 с.
- T3 – Тверь в записках путешественников / Сост. Е.Г. Милюгина, М.В. Строганов. – Тверь: Кн. клуб, 2014. – Вып. 3. – 464 с.
- T. – Торжок на фотографиях П.Ф. Добрынина / Сост. Н.А. Лопатина. – Торжок: ВИЭМ, 1993. – 64 с.
- К. – *Кольшико И.И.* Очерки современной России. – СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1887. – 530 с.
- Н. – Путеводитель по Волге / Сост. П.П. Нейдгардт. – СПб.: Тип. В. Безобразова и К^о, 1862. – 219 с.
- С. – *Сидоров В.М.* По России. Волга. Путевые заметки и впечатления от Валдая до Каспия. – СПб.: Тип. А. Катанского, 1894. – 374 с.
- Д. – Иллюстрированный путеводитель по Волге: от Твери до Астрахани / Сост. Г.П. Демьянов. – Н. Новгород: Лит. Нижегород. губ. правл., 1898. – 367 с.
- Б. – *Бесчинский А.Я.* Путеводитель по Волге. – М.: Т-во И.Н. Кушнерёва и К^о, 1903. – 384 с.
- М. – *Москвич Г.Г.* Иллюстрированный практический путеводитель по Волге. – Одесса: Тип. Л. Нитче, 1905. – 563 с.
- Г. – *Гиляровский В.А.* Волга: Путеводитель по городам России. – М.: АСТ, 2009. – 255 с.

Литература

1. Феноменология, история и антропология путешествия: Тез. Междунар. междисц. Гумбольдтовской конф. (СПбГУ, 16–19 апр. 2013 г.) / Сост. М. Кобельт-Гробах, О. Кулишкина, Л. Полубояринова. – СПб.: Своё изд-во, 2013. – 200 с.
2. Культурное пространство путешествий: Материалы науч. форума 8–10 апр. 2003 г. / Ред.-сост. Е.Э. Сурова. – СПб.: Центр изучения культуры, 2003. – 350 с.
3. Литература путешествий: культурно-семиотические и дискурсивные аспекты: Сб. науч. работ / Под ред. Т.И. Печерской. – Новосибирск: Гаудеамус, 2013. – 592 с.
4. Труды Русской антропологической школы. – М.: РГГУ, 2013. – Вып. 13. – 355 с.
5. Дискурс травелога / Сост. О.Ф. Русакова, В.М. Русаков. – Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2008. – 184 с.
6. Literature of travel and exploration: an encyclopedia: in 3 v. / Ed. by J. Speake. – N. Y.: Fitzroy Dearborn, 2003.

7. *Buell L.* The Environmental Imagination. – Cambridge: The Belknap Press of Harvard Univ. Press, 1995. – 500 p.
8. *Tuan Yi-Fu.* Space and Place: The Perspective of Experience. – Minneapolis: Univ. Minnesota Press, 1977. – 235 p.
9. *Jameson F.* Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism. – Durham: Duke Univ. Press, 1991. – 461 p.
10. *Plumwood V.* Feminism and the Mastery of Nature. – London: Routledge, 1993. – 250 p.
11. Водные пути: пути жизни, пути культуры / Ред.-сост. Е.Г. Милюгина, М.В. Строганов. – Тверь: СФК-офис, 2015. – 446 с.
12. *Милюгина Е.Г., Строганов М.В.* Путешествия по российским рекам: травелог Нового времени // *Quaestio Rossica*. – 2015. – № 2. – С. 106–116.
13. *Милюгина Е.Г., Строганов М.В.* Русская культура в зеркале путешествий. – Тверь: ТвГУ, 2013. – 176 с.
14. Русский травелог XVIII–XX веков / Под ред. Т.И. Печерской. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2015. – 656 с.
15. *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. – Л.: Наука, 1984. – С. 525–606.
16. *Шенле А.* Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий. 1790–1840. – СПб.: Акад. проект, 2004. – 272 с.
17. Текст пространства: материалы к словарю / Авт.-сост. Е.Г. Милюгина, М.В. Строганов. – Тверь: СФК-офис, 2014. – 368 с.
18. Русская провинция: миф – текст – реальность. – М.; СПб.: Тема, 2000. – 491 с.
19. *Григорьева О.А., Строганов М.В.* Достоверно ли путешествие как документальный жанр? И.Ф. Глушков и А.О. Ишимова // В зеркале путешествий. – Тверь: СФК-офис, 2012. – С. 14–32.
20. *Милюгина Е.Г., Григорьева О.А.* Тверская земля в путеводителях конца XVIII – первой половины XIX века: локальный текст, провинциальный текст // В зеркале путешествий. – Тверь: СФК-офис, 2012. – С. 33–48.

Поступила в редакцию
26.10.15

Милюгина Елена Георгиевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка с методикой начального образования

Тверской государственный университет
ул. Желябова, д. 33, г. Тверь, 170100, Россия
E-mail: elena.milyugina@rambler.ru

Строганов Михаил Викторович, доктор филологических наук, профессор, директор Научно-исследовательского центра краеведения и этнографии

Государственная академия славянской культуры
Хибинский проезд, д. 6, г. Москва, 125480, Россия
E-mail: mistro@rambler.ru

**The Documentary Character of Travelogue and Methods of Generalization
(Based on the Materials from the Tver Upper Volga Region)***E.G. Milyugina^{a*}, M.V. Stroganov^{b**}*^a*Tver State University, Tver, 170100 Russia*²*State Academy of Slavic Culture, Moscow, 125480 Russia*E-mail: **elena.milyugina@rambler.ru*, ** *mistro@rambler.ru*

Received October 26, 2015

Abstract

The paper explores documentary character as the leading principle for representing the reality in travelogue. The phenomena of travel and travelogue are described in modern literary and cultural studies from the perspective of anthropology. Along with the purely anthropological approach, recent researchers have successfully used the nature-oriented approach developed in the western discourse of ecocriticism. Theoretically, it is obvious that the problem of the documentary character of travelogue, which arises from interaction between humans and space during travels, can be solved by synthesizing these approaches. However, complex usage of the anthropological and spatio-temporal approaches has not become common practice in modern science. The materials of surface and water travels to the Tver Upper Volga Region are used by us as a conceptual base for theoretical conclusions. Through verifying both measure and degree of the documentary character of travelogue with the help of local texts, we reveal reasons for its violation and ways to deliberately cope with it in a particular discourse of travelogue. The objective and subjective restrictions distorting the documentary character of travelogue up to implausibility are considered. It is demonstrated that travelogue authors, guided by the principle of adequate description and subject, consistently violate this principle: they conceptualize the described space in the spirit of time, demythologize its earlier description, and produce new myths. They most frequently compare the described phenomena and facts and apply a generalizing meaning to the commonly known object, which allows them to consider it as a specific type, as well as to include it in various classification models. The paradox of travelogue is disclosed, i.e., that perception of some new phenomenon inevitably involves the establishment of paradigmatic relations of it with the already known material.

Keywords: travelogue, anthropological approach, spatial-temporal approach, documentary character, adequacy of description and subject, conceptualized and real space, mythologization of space, methods of generalization, Tver Region

Для цитирования: Милюгина Е.Г., Строганов М.В. Документальность травелога и способы обобщения (по материалам Тверского Верхневолжья) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2016. – Т. 158, кн. 1. – С. 66–79.

For citation: Milyugina E.G., Stroganov M.V. The documentary character of travelogue and methods of generalization (based on the materials from the Tver Upper Volga Region). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2016, vol. 158, no. 1, pp. 66–79. (In Russian)